

ИДЕНТИЧНОСТЬ И ПОЛИТИКА

УДК 39+316.35, 316.44
DOI: 10.33876/2311-0546/2021-3/7-16

В.В. Бубликов, Г.Г. Ермак

ПОЛИЭТНИЧНОСТЬ: ОТ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ КОНЦЕПЦИЙ К ПРАКТИКЕ*

В статье рассматриваются теоретические подходы к исследованию полиэтничности (конструктивизм, инструментализм). В последние десятилетия произошли значительные процессы переоценки содержания понятий «этническая группа» и «этническая идентичность». Широко распространенными стали идеи гибридизации идентичности, возможности наличия множественных этничностей, как вследствие ускорения объективных процессов этнокультурного «смешения» (этнически неоднородные браки, миграция, урбанизация), так и по субъективным причинам (рутинизация иноэтничного). Полиэтничная идентичность, в свою очередь, тоже может иметь различные модели: от стигматизации и социальной депривации до ощущения полиэтничным индивидом более высокого социокультурного статуса. Авторы приходят к выводу, что в целях более адекватного учета этнокультурного разнообразия российского социума, методология проведения переписей населения должна быть изменена в пользу возможности учета нескольких этноидентичностей и информирования населения об этом. Также «легитимация» групп населения с множественной этноидентичностью имеет потенциал гармонизации межэтнических отношений в России, может способствовать распространению идей единой полиэтничной гражданской российской нации.

Ключевые слова: множественная этноидентичность, полиэтничность, биэтничность, конструктивизм, инструментализм, перепись населения

Ссылка при цитировании: Бубликов В.В., Ермак Г.Г. Полиэтничность: от теоретических концепций к практике // Вестник антропологии, 2021. № 3. С. 7–16.

Меняющиеся взгляды на множественную этничность

Одной из отличительных черт эпохи постмодерна стало увеличение числа идентификационных оснований, размывание, гибридизация идентичности. Широко

Бубликов Василий Валерьевич – к.с.н., доцент, Белгородский государственный национальный исследовательский университет (308015 г. Белгород, ул. Победы, 85). Эл. почта: v.bublikov@mail.ru

Ермак Галина Геннадьевна – к.и.н., ведущий научный сотрудник, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения РАН (690001 г. Владивосток, ул. Пушкинская, 89). Эл. почта: gaermak@yandex.ru

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №20-011-00676 «Множественная русско-украинская этническая идентичность в России и ее региональные особенности»

распространенными стали представления о ситуативности, изменчивости любой идентичности – от гендерной¹ до этнической, не говоря уже о социальной, профессиональной, классовой, религиозной и т.д. Как пишет Е.В. Хлыщева: «Идентичность постмодерна претендует на всеобщность, но является характеристикой исключительно индивидуального уровня <...> идентичность формируется не через определенные правила и традиции, а через идентификацию, т.е. узнавание субъекта в определенном качестве» (Хлыщева 2018: 64).

Процессы глобализации, с одной стороны, приводят к размыванию традиционных оснований этнической идентичности (унификация повседневных жизненных практик, вымирание малых языков и ускорение трансформации языков крупных, распространение массовой культуры и пр.), а с другой – к гетерогенезации этничности, как по объективным (смешанные браки, миграции, урбанизация и т.д.), так и субъективным (рутинизация экзотики²) причинам.

Другими словами, «мы», человечество как никогда ранее, похожи в своей повседневной жизни, но при этом, благодаря развитию средств коммуникации, имеем возможность сохранять, развивать, приобретать или даже возобновлять этничность(и) находясь в иноэтничном окружении. Можно согласиться с Б.М. Сундуевой, которая констатирует: «В современном мире в результате размывания этнических границ, процессов взаимодействия культур понятия “гибридная идентичность” и “гибридное сознание” приобретают все большую значимость» (Сундуева 52).

Постепенный отход этнологов и этносоциологов от примордиалистских взглядов на природу и содержание этнической идентичности в пользу более «гибких» концепций (инструментализм, конструктивизм) актуализировал и исследования смешанных этнокультурных сообществ, возникших «на стыках» двух или даже более этногрупп.

По словам одного из теоретиков конструктивизма В.А. Тишкова: «Антропологи и этнологи все больше осознают феномен растущей культурной сложности, где этничность переплетается с другими коллективными идентификациями и лояльностями до такой степени, что исчезает понятие группы как социальной и даже социологической целостности» (Тишков 2016: 7). Впрочем, это не обозначает что этничность в современном обществе исчезает вовсе, напротив, как показывают исследования Л.М. Дробижевой, например, в мегаполисах этническая идентичность даже более выражена, чем в сельской местности (Дробижева 2013: 75).

В западной социальной антропологии для обозначения групп населения с множественной этноидентичностью чаще всего используют термины «гибридные» (англ. – *hybrid*) или «смешанные» (англ. – *mixed*) идентичности. Интересно, что как отмечает А. Бэлл, и в западных обществах до недавнего времени фактически, любое свидетельство биологической или культурной гибридности было неразрывно связано с различными стратегиями ассимиляции (Bell 2014: 58–59), т.е. полиэтничность трактовалась как временная фаза на пути к «окончательной ассимиляции», как правило в мигрантских сообществах.

¹ Само появление понятия «гендерная идентичность», понимание гендера не как данной от природы «метрической мерки», а как самоидентификационного выбора индивида, породило общественно-политическую дискуссию между консерваторами и либералами.

² Доступность и возможность удовлетворения инокультурных потребностей, благодаря развитию информационно-коммуникационных технологий (например, массовое увлечение некогда экзотическими кухнями и т.п.).

В конструктивистских теориях этничность, один из видов социальной идентичности, понимается как ситуативный феномен, создаваемый средствами символического различения, а этнические границы выделяются в качестве критерия формирования групповой отличительности (по Ф. Барту) (*Барт* 2006). Но, как пишет В.А. Тишков: «Проблема с этим подходом при изучении этничности состоит в том, что понятие “мы” крайне ситуативно и иерархично ..., самоидентификация – это целая линия выборов по восходящей или нисходящей, в зависимости от очерчиваемого круга доступных индивиду коллективных принадлежностей или коалиций» (*Тишков* 1997: 8).

Этническая граница в полиэтничных сообществах размыта, т.к. в тех или иных ситуациях социального взаимодействия биэтничный индивид может «примыкать» к той или иной моноэтничной группе. Особенно часто это можно наблюдать в биэтничных сообществах, где одна часть идентичности принадлежит к этническому большинству или «титальному этносу», а вторая – к этническому меньшинству. Однако, внутриличностное самоощущение двойной этничности при этом, как правило, сохраняется.

Поэтому мы согласны с В.А. Тишковым, который подчеркивает: «Множественная и ситуативная (релятивистская) природа этнической идентичности гораздо сложнее, чем это предлагает структуралистская формула оппозиций через отрицание. Гораздо чаще позитивное и негативное неразделимы и сосуществуют для совершения акта идентификации» (*Тишков* 1997: 10). Отсутствие жесткого детерминизма самосознания в группах с множественной этничностью по принципу «мы» vs. «они», не означает невозможность существования этих групп как самостоятельных, относительно устойчивых (межпоколенных) этнокультурных единиц.

Еще более убедительно описывает полиэтничность, как перманентный социальный феномен, инструменталистская концепция этничности. Например, Д. Лейтин считает, что в разных индивидуальных идентичностях (включая и этническую), нет и не может быть неизменной основы, выбор декларируемой этничности определяется не некими абстрактными коллективными чувствами, а индивидуальными социально-политико-экономическими интересами конкретного человека в тех или иных обстоятельствах (*Лейтин* 1999). Но, с изменением этих обстоятельств, может измениться и декларируемая, официальная этничность. При этом, реальные внутренние чувства человека этнически смешанного происхождения хотя и могут тоже меняться, но не столь кардинально, его внутреннее самоощущение полиэтничности в течении жизни, как правило, сохраняется.

М.Ю. Барбашин пишет: «Институциональный подход трансформирует привычную логику в нелинейное русло. Он показывает, что традиции, эффективные в локальной культуре, в ходе институционального распада могут трансформироваться в неоптимальные правила поведения, способствующие росту конфликтогенных процессов, а первоначальные девиантные нарушения – стать основой для новых идентичностей» (*Барбашин* 2016: 119). То есть, согласно институциональной концепции «этничность – это набор этноинститутов, которые отражают нормативные представления об этноповедении» (*Барбашин* 2016: 117), соответственно при изменении институтов или их роли, может меняться и этничность.

Современные западные социологи идут еще дальше и пишут о гибридизации идентичности (не только этнической, но и, например, гендерной) применительно не только к этническим меньшинствам, но и ко всему обществу. К. Смит и П. Леви отмечают: «Гибридные идентичности по-прежнему преобладают в общинах меньшинств

или иммигрантов, но это не единственные места гибридизации в глобализированном мире. Учитывая сжатый мир и ограниченное состояние, идентичности для всех людей и коллективных сущностей становятся все более сложными» (*Smith, Leavy 2008*).

Модели поли- и биэтничности

«Легитимация» множественной этничности в теории и социальной практике, ставит новые исследовательские вопросы. В частности, изучаются различные модели биэтничного поведения и самосознания. Так, С. Мореман выделяет пять «стратегий гибридного поведения» (англ. – *Strategies of Hybrid Performativity*):

- «Самозванец» (англ. – *Imposter*) – личность принимается «за своего» обеими этногруппами, но сам он чувствует некую отчужденность от них;
- «Полукровка» (англ. – *Mongrel*) – не воспринимается полностью «своим» представителями моногрупп, но сам индивид чувствует связь с этими обеими группами;
- «Бездомный» (англ. – *Homeless*) – осознание полиэтничности приводит к ослаблению этнических чувств как таковых, снижению роли корней, как значимого фактора в этничности;
- «Мост» (англ. – *Bridge*) – позитивное восприятие всех этнических корней, а своей идентичности как функции связи «двух миров», без необходимости выбора одного из них;
- «Близнец» (англ. – *Twin*) – восприятие смешанного происхождения как преимущества одновременной принадлежности к нескольким культурам, эффект удвоения личности (англ. – «*one-half plus one-half is more than one*») (*Moreman 2009: 361–367*).

Как видим модели социального поведения представителей полиэтничных групп различны: от стигматизации и этносоциальной депривации («Полукровка», «Бездомный») до ощущения более высокого социокультурного статуса и даже значимой общественной роли («Близнец», «Мост»).

Об этом же пишут и некоторые российские авторы. Например, И.Д. Тарба отмечает: имеющие биэтничную идентичность «люди обладают особенностями обеих групп, осознают свое сходство с обеими культурами. Множественная идентичность наиболее выгодна для человека, она позволяет ему использовать опыт одной группы для адаптации в другой, овладевать богатствами еще одной культуры без ущерба для ценностей собственной» (*Тарба 2017: 289*). Но возможна и иная модель: «слабая, четко не выраженная этническая идентичность как со своей, так и с чужой этническими группами – маргинальная этническая идентичность ..., человек колеблется между двумя культурами, не овладевая в должной мере нормами и ценностями ни одной из них» (*Тарба 2017: 289–290*).

Дискуссия о множественной этноидентичности в России: прикладные аспекты

Несмотря на отсутствие статистических сведений о количественном распространении множественных (чаще двойных, но иногда и тройных и т.д.) этноидентичностей, косвенные данные переписей населения позволяют экспертам оценивать численность жителей России с множественной этничностью в 12-15% (*Степанов 2019:*

152), а это порядка 20 млн. человек. Также В.В. Степанов, на основе эмпирических исследований, констатирует: «в современных условиях России довольно высока готовность и потребность позитивно воспринимать этнокультурное разнообразие», в стране фиксируется «примерно равное соотношение тех, кто приемлет, и тех, кто не приемлет множественную этническую идентичность» (Степанов 2018: 67).

В последние годы интерес к исследованию гибридных этносообществ в России растет. В частности, В.С. Курске, выполнено исследование множественной идентичности российских (русских) немцев (Курске 2011). Д.А. Функ описал формирование новых идентичностей у бачатских телеутов (Функ 1999). Появилось несколько работ о специфике идентичности в этнически смешанных семьях (Сикевич, Поссель 2019; Штейн 2005), смешанных этнокультурных идентичностей молодежи (Мухаметзянова 2016). Есть исследования о развитии множественной этноидентичности в отдельных регионах России (Тишков, Кисриев 2007; Пекка, Давыдова-Менге 2017; Листова 2014; Баженова, Ермак 2018) и т.д.

Процессы взаимного культурного влияния, «смешения» посредством межэтнических браков и миграций, породили не фиксируемые до настоящего времени российской статистикой этнокультурные группы: русско-украинскую, русско-татарскую, башкиро-татарскую, армяно-русскую и т.д. Например, только биэтническая русско-украинская группа, как мы предполагаем, составляет не менее нескольких миллионов россиян, «вынужденных» при переписях населения «выбирать» одну этничность. Как пишет В.В. Степанов, именно из-за невозможности фиксации множественной этничности в переписях населения, «в России статистически стало меньше украинцев и белорусов, хотя они не “исчезли”. То же в отношении таких численно крупных категорий как марийцы, удмурты, чуваша, мордва. Перепись как бы забежала вперед, отражая факт этнической ассимиляции представителей этих и ряда других групп, хотя на самом деле процесс развивается медленнее и не столь однозначно» (Степанов 2018: 68).

Еще более категоричен в оценке достоверности данных переписей населения о «национальном» составе ряда регионов России В.Я. Суций, который пишет: «В регионах со сложной этнической структурой, тем более в таких, где самая значительная часть населения представлена двумя близкими народами, а также их многочисленным смешанным потомством, вопрос об этнической принадлежности не позволяет установить реальную этнодемографическую картину, поскольку весомая (иногда даже количественно доминирующая) группа “смешанного” населения во время переписи ставится перед жестким выбором одного из двух, по сути, равноценных ответов. И предпочтение, как правило, является конъюнктурным, определяется приводящими обстоятельствами, не имеющими отношения к реальной этнической самоидентификации» (Суций 2017: 66–67).

Важно подчеркнуть, что явление полиэтничности или гибридной идентичности отнюдь не ново, просто в последние годы его становится все сложнее игнорировать, в том числе и в общественно-политическом дискурсе. В качестве примера гибридной идентичности больших групп населения в прошлом можно привести группу *тутешних* (польск. – *Tutejsi*), по всей видимости, в реальности сочетавшей элементы идентичности белорусской, украинской и польской, зафиксированной польскими переписями населения 1920–1930-е гг. на территориях нынешнего белорусско-укра-

инского и белорусско-польского пограничья. В Полесском воеводстве¹ *тутешние* даже составляли наибольшую этническую группу населения.

Аналогично и в русско-украинской этноконтактной зоне еще в XIX в. фиксировались значительные группы с гибридной, по сути, двойной этничностью – *перевертни* (Чижикова 1988: 49). Позднее уже во второй половине XX в. бизтничное значение здесь приобрел и этноним *хохлы*, бытующий в российско-украинском приграничье и ныне².

Таким образом, в ситуации сохранения прежнего, консервативного, по сути, примордиалистского подхода при учете этнической идентичности в переписях населения, фактически единственным инструментом исследования «смешанных» групп населения остаются этнологические и этносоциологические исследования.

Прикладное значение исследования сообществ с множественной этничностью, определяется отнюдь не только дискуссией о количестве строк для графы «национальность» в анкете переписи населения. Этническая статистика важнейший «легитиматор» культурной политики как в стране в целом, так и на отдельных территориях. Исследования, показывающие бóльшую сложность этнического состава населения той или иной территории, чем те, что дают результаты переписей, «подталкивают» общественно-властные институты к более разнообразной культурно-гуманитарной политике, учитывающей наличие и полиэтничных этнокультурных групп, которые перепись «не видит».

Кроме того, «легитимация» полиэтничности в общественно-политическом пространстве может быть и средством снижения межэтнической напряженности и даже конфликтности, особенно на территориях, где этничность населения вызывает споры и трактуется неоднозначно. Например, идентичность населения в ряде районов Башкирии – татарская, башкирская или татаро-башкирская; регионов российско-украинского пограничья – русская, украинская или русско-украинская (см.: Бубликов 2019) и др.

Так, например, И.М. Габдрафиков, описывая ситуацию в Республике Башкортостан пишет: «На фоне других регионов Башкирия продолжает выделяться своим особым отношением к переписи как к политическому событию. Потенциальным объектом статистических манипуляций, как и прежде, являются пограничные зоны расселения – западные районы, где татары и башкиры по своим этнокультурным и языковым характеристикам являются единым целым, а “различия” проявляются только при искусственном переписной необходимости указывать какую-то одну идентификацию» (Габдрафиков 2019: 195). Таким образом, мы согласны с экспертом, что «эскалация межэтнической напряженности в определенной степени провоцируется самим инструментарием переписи, который не учитывает, что человек может иметь двойственную или нечеткую этническую идентичность» (Габдрафиков 2019: 195).

Поэтому изменение концепции указания этничности («национальности» в переписях населения и документах) имеет пока нераскрытый потенциал гармонизации межэтнических отношений, т.к. наличие количественно значимых бизтничных групп населения лишает националистически настроенные слои (включая и этноэлиты) аргументации в пользу «этнической чистоты» и борьбы за «правильную статистику», а кроме того не на словах, а в цифрах может показать подлинно многонациональный характер Российской Федерации. Не говоря уже о том, что право самим определять свою этническую (национальную) идентичность закреплено в Консти-

¹ Ныне Брестская область Беларуси и частично Волынская и Ровенская области Украины.

² В зависимости от модели бизтничного самосознания: «мы и русские, и украинцы, мы хохлы» или «мы и не русские, и не украинцы, мы хохлы».

туции РФ (ст. 26) и основной закон не ограничивает этническое самоопределение только одной «национальностью».

По нашему мнению, российскую многонациональность можно трактовать не только как наличие большого числа этногрупп, в том числе и автохтонных, но и как наличие не меньшего числа переходных, смешанных сообществ с несколькими этноидентичностями. Само существование значительной части населения, имеющей множественную этничность, является самым лучшим доказательством гармоничности межэтнических отношений в социуме, низкой социальной дистанции между этногруппами, может выступать одним из связующих элементов гражданской нации.

Научная литература

- Барбашин М.Ю. Институциональная теория этничности // Этнографическое обозрение, 2016. № 3. С. 112–127.
- Барт Ф. (под ред.) *Этнические группы и социальные границы. Социальная организация культурных различий*. М.: Новое издательство, 2006. 200 с.
- Баженова Ж.М., Ермак Г.Г. К вопросу об этничности населения фронтальных территорий (на материалах о-ва Сахалин) // Россия и АТР, 2018. № 4. С. 57–74.
- Бубликов В.В. Особенности идентичности русско-украинского населения приграничных территорий России // Этнографическое обозрение, 2019. № 6. С. 138–157. <https://doi.org/10.31857/S086954150007772-9>
- Габдрафиков И.М. Зигзаги этнотатистики: особенности переписей населения в Башкирии в 1989, 2002, 2010 гг. и прогноз на 2020 гг. // Измерение культурного многообразия. Языковая ситуация, переписи, полевая этнотатистика / Ред. М.Ю. Мартынова, В.В. Степанов. М.: ИЭА РАН, 2019. С. 193–195.
- Дробижнева Л.М. Исчезает ли этничность в городской среде? Некоторые ответы на загадки большого города // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки, 2013. № 3. С. 73–83.
- Курске В.С. Множественная этническая идентичность: теоретические подходы и методология исследования (на примере российских немцев). Дисс. канд. социол. наук. М.: Моск. гос. ин-т междунар. отношений, 2011. 180 с.
- Лейтин Д. Теория политической идентичности. Этническая мобилизация и межэтническая интеграция (сост. и отв. ред. М.Н. Губогло). М.: ЦИМО, 1999.
- Листова Т.А. Воронежские украинцы – русские хохлы // Вестник антропологии, 2014. № 2. С. 116–139.
- Мухаметзянова А.Р. Смешанные этнокультурные идентичности молодежи // Теоретические проблемы этнической и кросскультурной психологии. материалы пятой международной научной конференции. Смоленск: Смоленский государственный университет, 2016. С. 160–164.
- Пекка С., Давыдова-Менге О. (под ред.) Гибкие этничности: этнические процессы в Петрозаводске и Карелии в 2010-е годы. Санкт-Петербург: Нестор-История, 2017. 296 с.
- Сикевич З.В., Поссель Ю.А. Структура и типология этнической идентичности членов межэтнических и моноэтнических семей (сравнительный анализ) // Социологический журнал, 2019. Т. 25. № 1. С. 121–136. <https://doi.org/10.19181/socjour.2018.25.1.6282>.
- Степанов В.В. Измерение культурного многообразия России // Измерение культурного многообразия. Языковая ситуация, переписи, полевая этнотатистика / Ред. М.Ю. Мартынова, В.В. Степанов. М.: ИЭА РАН, 2019. С. 140–154.
- Степанов В.В. Этнокультурное многообразие России и возможности статистических измерений // Этническое и религиозное многообразие России / Под ред. В.А. Тишкова, В.В. Степанова. М.: ИЭА РАН, 2018. С. 62–88.
- Сундуева Б.М. «Гибридное сознание»: к теории вопроса (на материале творчества П. Бак и Максина Хон Гингстон) // Филологическое образование и современный мир: материалы XIV Все-

- российской молодежной научно-практической конференции с международным участием / Отв. ред. А.Э. Михина. Чита: Забайкальский государственный университет, 2018. С. 52–54.
- Суций С.Я. История, современность и перспективы украинцев юга России: демографорасселенческий аспект // Народонаселение, 2017. № 3. С. 63–74.
- Тарба И.Д. Бизническая и множественная идентичность как фактор стабилизации межнациональных отношений // Проблемы и базовые принципы укрепления суверенитета России. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный аграрный университет, 2017. С. 287–293.
- Тишков В.А. О феномене этничности // Этнографическое обозрение, 1997. № 3. С. 3–21.
- Тишков В.А. От этноса к этничности и после // Этнографическое обозрение, 2016. № 5. С. 5–22.
- Тишков В.А., Кисриев Э.Ф. Множественные идентичности между теорией и политикой (пример Дагестана) // Этнографическое обозрение, 2007. № 5. С. 96–115.
- Функ Д.А. Формирование новых этнических идентичностей у тюрков юга западной Сибири в 1980-е – первой половине 1990-х годов (на примере бачатских телеутов) // Этнографическое обозрение, 1999. № 5. С. 109–128.
- Хлыщева Е.В. Фронтир идентичностей: проблема культурных границ // Журнал фронтирных исследований, 2018. № 2. С. 61–69.
- Чижигова Л.Н. Русско-украинское пограничье: история и судьбы традиционно-бытовой культуры. М.: Наука, 1988. 256 с.
- Штейн Е.Э. Формирование этнической самоидентификации у потомков русско-еврейских браков в современной России. Дисс. докт. ист. наук. М.: ИЭА РАН, 2005. 546 с.
- Bell A. Relating Indigenous and Settler Identities. Identity Studies in the Social Sciences. London: Palgrave Macmillan, 2014. 251 p. <https://doi.org/10.1057/9781137313560>.
- Moreman S. Memoir as Performance: Strategies of Hybrid Ethnic Identity // Text and Performance Quarterly. 2009. Vol. 29. No 4. P. 350–370.
- Smith K. Iyall, Leavy P. (Eds.) Hybrid Identities. Theoretical and Empirical Examinations Series: Studies in Critical Social Sciences. 2008. Vol. 12. 411 p.

Bublikov, Vasily V., Ermak, Galina G.

Multiethnicity: From Theoretical Concepts to Practice

DOI: 10.33876/2311-0546/2021-3/7-16

The article discusses theoretical approaches to the study of multiethnicity – constructivism and instrumentalism. In recent decades, the concepts of "ethnic group" and "ethnic identity" have been significantly reassessed. The ideas of identity hybridization and the possibility of multiple ethnicities have become widespread, both as a result of the objective – acceleration of the ethnocultural "mixing" (ethnically heterogeneous marriages, migration, urbanization) and subjective (routinization of different ethnicities) processes. At the same time, multiethnic identity can have different models: from stigmatization and social deprivation to the subjectively higher socio-cultural status of a multiethnic individual. The authors conclude that in order to more adequately take into account the ethnocultural diversity of the Russian society, the methodology of population censuses should be changed in favor of the possibility of choosing multiple ethnic identities and informing the population about it. Also, the "legitimization" of population groups with multiple ethnic identities has the potential to harmonize interethnic relations in Russia and can contribute to the spread of ideas of a single multiethnic civil Russian nation.

Keywords: *multiple ethno-identity, multiethnicity, bi-ethnicity, constructivism, instrumentalism, population census*

For Citation: Bublikov V.V., Ermak G.G. 2021. Multiethnicity: From Theoretical Concepts to Practice. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 3: 7–16.

Author Info: Bublikov, Vasily V. – PhD in Sociology, Belgorod State University (Belgorod, Russia). E-mail: v.bublikov@mail.ru

Ermak, Galina G. – PhD in History, Institute of History, Archaeology and Ethnology of the Peoples of the Far East, FEB RAS (Vladivostok, Russia). E-mail: gaermak@yandex.ru

Funding: The study was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research, scientific project No. 20-011-00676 “Multiple Russian-Ukrainian ethnic identity in Russia and its regional characteristics”

References

- Barbashin, M.Y. 2016. Institutsional'naiia teoriia etnichnosti [An Institutional Theory of Ethnicity]. *Etnograficheskoe obozrenie* 3: 112–127.
- Barth, F., ed. 2006. *Etnicheskie gruppy i sotsial'nye granitsy. Sotsial'naia organizatsiia kul'turnykh razlichii* [Ethnic groups and boundaries. The Social Organization of Cultural Difference]. Moscow: Novoe izdatelstvo.
- Bazhenova Zh.M., Ermak G.G. 2018. K voprosu ob etnichnosti naseleniia frontirnykh territorii (na materialakh o-va Sakhalin) [On the issue of ethnicity of the population of the frontier territories (based on materials from Sakhalin Island)]. *Rossiiia i ATR* 4: 57–74.
- Bell, A. 2014. *Relating Indigenous and Settler Identities. Identity Studies in the Social Sciences*. London: Palgrave Macmillan. <https://doi.org/10.1057/9781137313560>.
- Bublikov, V.V. 2019. Osobennosti identichnosti russko-ukrainskogo naseleniia prigranichnykh territorii Rossii [Aspects of Identity of the Russian-Ukrainian Population in the Border Areas of Russia]. *Etnograficheskoe obozrenie* 6: 138–157. <https://doi.org/10.31857/S086954150007772-9>.
- Chizhikova, L.N. 1988. *Russko-ukrainskoe pogranich'e: istoriia i sud'by traditsionno-bytovoii kul'tury* [Russian-Ukrainian borderlands: the history and the fate of traditional household culture]. Moscow: Nauka.
- Drobizheva, L.M. 2013. Ischezaet li etnichnost' v gorodskoi srede? Nekotorye otvety na zagadki bol'shogo goroda [Does Ethnicity remain in the Urban Environment? Some answers to the mysteries of the Big City]. *Izvestiia vysshikh uchebnykh zavedenii. Povolzhskii region. Obshchestvennye nauki* 3: 73–83.
- Funk, D.A. 1999. Formirovanie novykh etnicheskikh identichnostei u tiurkov iuga Zapadnoi Sibiri v 1980-e – pervoi polovine 1990-kh godov (na primere bachatskikh teleutov) [Formation of new ethnic identity in Turks of the South of Western Siberia in the 1980s – the first half of the 1990s (on the example of Bachat Teleuts)]. *Etnograficheskoe obozrenie* 5: 109–128.
- Gabdrafikov, I.M. 2019. Zigzagi etnostatistiki: osobennosti perepisei naseleniia v Bashkirii v 1989, 2002, 2010 gg. i prognoz na 2020 gg. [Zigzags of Ethnostatistics: Peculiarities of Population Censuses in Bashkiria in 1989, 2002, 2010 and forecast for 2020]. In *Izmerenie kul'turnogo mnogoobraziia. Yazykovaya situaciia, perepisi, polevaya etnostatistika* [The measurement of cultural diversity. Language situation, censuses, field ethnostatistics], edited by M.U. Martynova, V.V. Stepanov. Moscow: IEA RAN: 193–195.
- Khlyshcheva, E.V. 2018. Frontir identichnostei: problema kul'turnykh granits [The Frontier of Identities: The Problem of Cultural Boundaries]. *Zhurnal frontirnykh issledovanii* 2: 61–69.
- Kurske, V.S. 2011. *Mnozhestvennaia etnicheskaia identichnost': teoreticheskie podkhody i metodologiiia issledovaniia (na primere rossiiskikh nemtsev)* [Multiple ethnic identity: theoretical approaches and research methodology (on the example of Russian Germans)]. PhD diss. Moscow: Moscow State Institute of International Relations.
- Laitin, D. 1999. *Teoriia politicheskoi identichnosti. Etnicheskaia mobilizatsiia i mezhetnicheskaia integratsiia* [Theory of Political Identity. Ethnic Mobilization and Interethnic Integration]. Moscow: CIMO.
- Listova, T.A. 2014. Voronezhskie ukraintsy – russkie khokhly [Voronezh Ukrainians – Russian

- Khokhols]. *Vestnik antropologii* 2: 116–139.
- Moreman, S. 2009. Memoir as Performance: Strategies of Hybrid Ethnic Identity. *Text and Performance Quarterly* 4: 350–370.
- Mukhametzianova, A.R. 2016. Smeshannye etnokul'turnye identichnosti molodezhi [Mixed ethnic and cultural identities of youth]. In *Teoreticheskie problemy etnicheskoi i krosskul'turnoi psikhologii: materialy piatoi mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii*. Smolensk: Smolenskii gosudarstvennyi universitet: 160–164.
- Pekka, S., Davydova-Menge, O., ed. 2017. *Gibkie etnichnosti: etnicheskie protsessy v Petrozavodsk i Karelii v 2010-e gody* [Flexible ethnicity: ethnic processes in Petrozavodsk and Karelia in the 2010-s.]. Moscow: Nestor-Istoriia.
- Shtein, E.E. 2005. *Formirovanie etnicheskoi samoidentifikatsii u potomkov russko-evreiskikh brakov v sovremennoi Rossii* [Formation of Ethnic Identity among Descendants of Russian-Jewish marriages in modern Russia]. PhD diss. Moscow: Institute of Ethnology and Anthropology RAS.
- Sikevich, Z.V., Possel, Y.A. 2019. Struktura i tipologiya etnicheskoi identichnosti chlenov mezhetnicheskikh i monoetnicheskikh semei (sravnitel'nyi analiz) [The Structure and Typology of the Ethnic Identity of Members of Interethnic and Mono-Ethnic Families (A Comparative Analysis)]. *Sotsiologicheskii Zhurnal* 1: 121–136. <https://doi.org/10.19181/socjour.2018.25.1.6282>.
- Smith, K. Iyall, Leavy, P. 2008. Hybrid Identities. Theoretical and Empirical Examinations. *Studies in Critical Social Sciences*. Vol. 12.
- Stepanov, V.V. 2018. Etnokul'turnoe mnogoobrazie Rossii i vozmozhnosti statisticheskikh izmerenii [Ethnocultural diversity of Russia and the possibilities of statistical measurements]. In *Etnicheskoe i religioznoe mnogoobrazie Rossii* [Ethnic and religious diversity of Russia], edited by V.A. Tishkov, V.V. Stepanov. Moscow: IEA RAN: 62–88.
- Stepanov, V.V. 2019. Izmerenie kul'turnogo mnogoobrazia Rossii [Measuring Russia's Cultural Diversity]. In *Izmerenie kul'turnogo mnogoobrazia. Yazykovaya situatsiya, perepisi, polevaya etnostatistika* [The measurement of cultural diversity. Language situation, censuses, field ethnostatistics], edited by M.U. Martynova, V.V. Stepanov. Moscow: IEA RAN: 140–154.
- Sundueva, B.M. 2018. "Gibridnoe soznanie": k teorii voprosa (na materiale tvorchestva P. Bak i Maksin Khon Gingston) ["Hybrid Consciousness": Towards a Theory of the Question (Based on the Works of P. Buck and Maxine Hon Gingston)]. In *Filologicheskoe obrazovanie i sovremennyi mir: materialy XIV Vserossiiskoi molodezhnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem* [Philological education and the modern world: materials of the XIV All-Russian youth scientific and practical conference with international participation], edited by A.E. Mikhina. Chita: Zabaikal'skii gosudarstvennyi universitet: 52–54.
- Sushchii, S.Ya. 2017. Istoriia, sovremennost' i perspektivy ukrainsev iuga Rossii: demograforas-selencheskii aspekt [The history, the present and the prospects for the Ukrainians of Southern Russia: Demographic settlement aspect]. *Narodonaselenie* 3: 63–74.
- Tarba, I.D. 2017. Bietnicheskaia i mnozhestvennaia identichnost' kak faktor stabilizatsii mezhnatsional'nykh otnoshenii [Bi-ethnic and multiple identity as a factor in stabilizing interethnic relations]. In *Problemy i bazovye printsipy ukrepleniia suvereniteta Rossii* [Problems and basic principles of strengthening the sovereignty of Russia], 287–293. St. Petersburg: St. Petersburg State Agrarian University.
- Tishkov, V.A. 1997. O fenomene etnichnosti [On the Phenomenon of Ethnicity]. *Etnograficheskoe obozrenie* 3: 3–21.
- Tishkov, V.A. 2016. Ot etnosa k etnichnosti i posle [From Ethnos to Ethnicity and After]. *Etnograficheskoe obozrenie* 5: 5–22.
- Tishkov, V.A., Kisriev, E.F. 2007. Mnozhestvennye identichnosti mezhdru teorii i politikoi (primer Dagestana) [Multiple Identities between Theory and Politics (the Case of Dagestan)]. *Etnograficheskoe obozrenie* 5: 96–115.